

ГЛАВА 1

ПРОБУЖДЕНИЕ ДЕМОНИЦЫ ХУАНЪЯНЬ

Сквозь черную толщу воды пробивался белый свет одной из ветвей древа Цышань. На поверхность устремилось бесчисленное количество пузырьков, сорвавшихся с губ.

Ян Юмэй тонула, слепо смотря перед собой. Перед глазами развевалась, подобно водорослям, голубая ткань одежды. Сквозь нее просачивался мягкий свет, падая на лицо и заставляя жмуриться.

Сердце, пронзенное мечом, болело. Хуанъянь, чье имя при жизни было Ян Юмэй, не могла сделать вдох, беспомощно смотря, как поверхность становится все дальше и дальше. Тело казалось неповоротливым и не слушалось, а холодная вода кусала кожу.

Она умирает? Как долго? И почему здесь?

Пальцы вздрогнули и сжались, сердце сделало несколько громких ударов, разгоняя кровь по венам.

Умереть? Здесь? Какая недостойная смерть для демонницы Хуанъянь!

Сбросив с тела онемение, Ян Юмэй потянулась вперед и отчаянно поплыла вверх, хватаясь за свет. Конечности задеревенели, а легкие болели так сильно, что хотелось сделать вдох, но он будет смертельным. И тогда она окончательно умрет.

Раздался всплеск, и Ян Юмэй жадно вдохнула, кашляя и быстро моргая, чтобы избавиться от лишней воды. Холодный воздух колот горло и легкие. С ночного неба падали белые хлопья снега, крупные и мягкие, наподобие гусяного пуха. Кружась, они таяли, едва коснувшись ее волос и лица.

Гул в ушах постепенно стихал, и Хуанъянь смогла различить голоса. На берегу и у каменного моста, изогнутого подобно спине дракона, стояли люди, указывая на нее и что-то крича. Мост был наполовину разрушен — камни с плеском падали

в воду, на поверхности которой плавало несколько сломанных досок.

— Госпожа, сюда! Плывите сюда! — раздался голос с берега. Там, размахивая руками, подпрыгивала девушка.

С трудом гребя, Ян Юмэй поплыла к ней. С посиневших губ срывались облачка пара, а ноги путались в платье, которое тянуло на дно.словно на ее хрупкие плечи давил вес в тысячу цзиней!¹ Не выдержав, Хуанъянь из последних сил стянула с себя верхние одежды, оставшись в длинном нижнем платье, столь тонком, что оно не спасало от холода.

Почувствовав стопами каменистое дно, Ян Юмэй оттолкнулась и подплыла к берегу, на четвереньках выбравшись на него. Холодный ветер тут же пробрался под тонкую ткань, заставив девушку задрожать и до боли стиснуть зубы, чтобы не стучали. *Она не любила холод.*

Звавшая Ян Юмэй девушка подбежала, укутала ее в теплый плащ, подбитый мехом, и со слезами обняла:

— Юная госпожа, ну как же так?! Эта глупая служанка чуть не умерла от страха, когда мост разрушился!

Ян Юмэй попыталась выбраться из объятий, но девчонка лишь сжала ее сильнее, не дав пошевелиться.

— Кто ты такая? — не выдержав, зашипела Хуанъянь. — Как смеешь касаться меня?

Служанка испуганно отстранилась, прижав к груди руки. Большие глаза были наполнены слезами, а на глупом круглом лице застыло удивление.

— Юная г-госпожа, что с вами? — заикнувшись, прошептала девушка. — Я же Чунь Цин, ваша служанка! Неужели вы головой ударились, когда упали вместе с каретой?

Чунь Цин? Ян Юмэй не знала никакой Чунь Цин, и это глупое лицо ей незнакомо. Разве она не была на Небесах? Мин Хань ведь пронзил ее сердце!..

Вздвогнув, Хуанъянь схватилась за грудь, но сквозь мокрую ткань не нащупала ни жуткой раны, ни шрама. Сердце уже не болело так сильно, как в воде, но она до сих пор видела лицо

¹ ЦЗИНЬ (斤) — традиционная китайская мера веса; составляет 500 граммов. Вес в тысячу цзиней — что-то очень тяжелое.

Мин Ханя, его холодные глаза. Ян Юмэй помнила его жестокие слова, от которых перехватывало дыхание.

Ляньцин... Мин Хань... за что ты меня убил?!

— Мое имя... как меня зовут? — хрипло прошептала Ян Юмэй испуганной служанке.

— Ся Юань! Ваше имя — Ся Юань!

Хуанъянь закрыла глаза, все еще не понимая, что происходит. Почему она вдруг попала в тело Ся Юань? И где ее собственное?

— Юная госпожа, тут слишком холодно, давайте вернемся в дом? — взмолилась Чунь Цин.

Помедлив, Ян Юмэй кивнула. Поднявшись на дрожавшие ноги, она чуть не упала, но служанка тут же подхватила ее, уведя подальше от реки. Тяжелые туфли скользили по камню, и Хуанъянь скинула их, вырвав из волос несколько безвкусных заколок, которые царапали кожу. Поймав черную прядь волос, она удивленно ахнула. Куда делись ее белоснежные волосы?!

— И как только выжила? — слышались голоса людей.

Стоило девушкам приблизиться к толпе у моста, как люди отпрянули от них:

— Такая глупая, но удачливая.

— Семья Ся вздохнула бы с облегчением, если бы эта девчонка наконец умерла...

— Вот же бесполезная!

Ян Юмэй замерла, но Чунь Цин тут же потянула ее на себя, тихо пробормотав:

— Юная госпожа, не обращайтесь на них внимания! Им лишь бы очернить вас!

Промолчав, Хуанъянь послушно зашагала за служанкой, взяв из ее рук теплый плащ. Холодный камень, которым вымощены улицы, щипал голые стопы, но ей было не до этого.

В *тот* день Ян Юмэй умерла. Она разрушила свою душу, чтобы никогда больше не переродиться, однако... она переродилась? Или кто-то сохранил душу и переместил ее в другое тело?

— Цин.

— Да, госпожа? — тут же встрепенулась служанка.

— Какой сейчас год?

— Сейчас пятое число первого месяца, двадцать пятый год правления под девизом Тайюань¹. Юная госпожа, неужели вы так сильно ударились? — захныкала служанка. — Ну же, вспоминайте: мы сейчас в Хэчжоу, столице Великой Ци.

— В Среднем Мире? — уточнила Ян Юмэй.

— Конечно, а где же нам еще быть? — удивилась Чунь Цин.

Хуанъянь не знала, смеяться ей или плакать. Что она забыла в Среднем Мире, так далеко от дома?..

Дом.

— Цин.

— Да, госпожа, — вновь отозвалась служанка.

— Цзюньфэнь все так же правит Верхним Миром?

— Цзюньфэнь? — с непониманием переспросила Чунь Цин. — Это ведь владыка Небес второй эпохи, разве нет?

Ее ответ заставил сердце неприятно сжаться.

— Так... Цзюньфэнь больше нет?

— Конечно нет, Хуанъянь убила ее еще во вторую эпоху, прежде чем доблестный небожитель Ляньцин сразил эту коварную демоницу! Я же так много рассказывала вам об этой истории, неужели юная госпожа все забыла?

— Вторая эпоха... значит, сейчас третья?

Служанка с грустной улыбкой взглянула на Ян Юмэй, словно перед ней стояло глупое дитя, на которое нет смысла злиться.

— Вторая эпоха закончилась два с половиной тысячелетия назад, когда умер последний небожитель, — терпеливо объяснила Чунь Цин. — Ну же, идемте, не хватало простудиться.

Служанка упрямо шагала вперед, крепко держа за руку и таща за собой сбитую с толку Ян Юмэй. Умерев в одной эпохе, она очнулась совсем в другой. Почему ее душа не распалась, как она того хотела? Почему оказалась в столь слабом и никчемном теле? Разве этот мир готов к возвращению демоницы Хуанъянь? Вдобавок... вторая эпоха закончилась, когда умер последний небожитель. Неужели сейчас нет богов? Небеса пустуют?

¹ ПАЙДАНЬ: 太 — фамилия правящей семьи, также можно перевести как «великий», 元 — в значении «эпоха/эра». При восхождении на трон новый император называл эпоху своего правления девизом. Изредка девиз мог меняться за время правления императора.

Пройдя почти весь город, служанка довела Ян Юмэй до массивных ворот, над которыми висела табличка: «Второй дом семьи Ся». Посмотрев на него некоторое время, Хуанъянь не сдержала смешка.

— Вы совсем замерзли, юная госпожа! — заохала Чунь Цин. — Ничего, сейчас войдем в дом, и я заварю вам теплый чай.

Подойдя к воротам, служанка громко застучала, нарушая тишину улицы глухим звуком. По ту сторону послышались шаги, и ворота резко открылись, являя старческое мужское лицо, освещенное желтым фонарем.

— Дядюшка Хэнь, пустите нас поскорее! Юная госпожа едва стоит на ногах от холода!

Подняв фонарь, старик взгляделся в стоявшую позади Ян Юмэй, и его глаза удивленно округлились. Раскрыв створку ворот, он запричитал:

— Входите, входите! Вам повезло, что сейчас смена караула.

Схватив Хуанъянь за руки, Чунь Цин и дядюшка Хэнь ввели ее в поместье.словно воры, они как можно тише пробирались по открытым коридорам и садам, храня молчание и замирая при каждом шорохе. Ян Юмэй послушно следовала за ними, с интересом осматриваясь. Постепенно в голове всплывали воспоминания — не ее, а той, кому принадлежало это тело. Она помнила это место фрагментами. Вон там находится дом главы Ся, а место у пруда с рыбками занимает первый сын главы.

Минуя жилые дома и гостевые постройки, Чунь Цин и дядюшка Хэнь привели ее к старому дому с неудобным двориком, за которым давно никто не ухаживал. Везде лежал снег, а тропинка к дверям была старательно вытоптана. Место выглядело заброшенным вот как пару лет, но стоило войти в комнату, как Ян Юмэй тут же заметила спальные вещи, печку, обшарпанный столик и стеллаж со старыми книгами.

Усадив Хуанъянь на кровать, Чунь Цин поставила бумажную ширму с дырками, словно кто-то специально проткнул ее толстыми иглами.

— Снимайте с себя эту одежду, быстрее! — поторопила служанка.

Пальцы слушались плохо, но все же Ян Юмэй смогла снять прилипшее нижнее платье, и ее взору открылось бледное тело, покрытое странными шрамами. На правой руке виднелись сле-

ды чьих-то клыков, на щиколотках — отметины, словно кто-то связывал ее, кожу покрывали некрасивые желтые синяки.

Насухо вытерев Ян Юмэй, Чунь Цин передела ее в теплую одежду, завернув в одеяла и сунув в руки старую грелку, холодные стопы она укутала лоскутом мягкой шубки. Старик тем временем растопил печку и заварил чай.

— Почему вы вернулись так поздно? — с негодованием спросил дядюшка Хэнь. — Если бы вас застала старая госпожа, то заставила бы ночевать на улице!

— Мост, по которому мы ехали, обвалился, — пожаловалась Чунь Цин, убрав ширму. — Я с возницей успела спрыгнуть, но юная госпожа находилась внутри.

— Ох, плохо, старая госпожа вычтет из ваших денег стоимость повозки и лошади. Повезет, если юная госпожа не заболит, тогда не придется просить лекарства.

— Разве можно так относиться к родной внучке?! — возмутилась служанка, налив чай и подав его Ян Юмэй. — Мы и так тут не живем, а выживаем, так еще и за повозку с лошадью платить! Когда господин Ся Ган вернется?

Дядюшка Хэнь покачал головой, с теплом обратившись к Хуаньянь:

— Вы, должно быть, сильно испугались, молодая госпожа. Не волнуйтесь, теперь все позади. Отдохните хорошенько.

От этих людей не шло никакой угрозы. Не зная, кто она такая, они сочувствовали и улыбались ей, и от этого Ян Юмэй становилось тошно.

Не в своем Мире, не в своей эпохе, не в своем теле. Для чего она возродилась? Чтобы вновь страдать?

ГЛАВА 2 МИЛОСТЬ ГОСПОЖИ ГАО

Стоило голове коснуться подушки, как она тут же отяжелела, и Ян Юмэй провалилась в глубокий сон. В нем она вновь тонула, вода заливала горло и легкие, а грудь была пробита острым мечом. В свой последний миг Хуанъянь чувствовала под ногами каменистое дно, отталкивалась от него и мотыльком вылетала из воды. Ее крылья тут же подрезала невидимая рука, и она вновь падала в воду, путаясь в одежде и умирая.

«Как же больно!» — беззвучно крича от ярости, обиды и злости, Ян Юмэй вновь и вновь вырывалась из водного плена. Это не ее смерть!

Плечи и запястья опалила боль, столь яркая, что разрушила сон. Распахнув глаза, Ян Юмэй уставилась на незнакомое лицо. Две служанки грубо сжали ей руки, выволокли ее на улицу и бросили на укрытую снегом землю с такой силой, что она ударилась коленями об мелкие острые камни. Зашипев, Ян Юмэй заметила в шаге от себя туфли с аккуратно вышитыми на них пионами. Они принадлежали женщине, сидевшей в кресле с колесами. Ее багровые одежды были утеплены мехом, в черных с проседью волосах сверкали украшения, а бровями служили две черные капли.

— Старшая госпожа! — раздался испуганный крик. Рядом с Ян Юмэй упала Чунь Цин, отбивая лбом землю. — Это честь видеть старшую госпожу Гао! Прошу простить нас за столь неподобающий вид!

Воспоминания всплыли в голове, причинив боль. Ян Юмэй зашипела, схватившись за висок, и сквозь спутанные волосы взглянула на женщину в кресле. Она сидела в окружении служанок, которые не скрывали свои высокомерные взгляды. Давно на демоницу Хуанъянь никто *так* не смотрел. Обычно, увидев ее красные одежды, все тут же пугались, и если не умирали на месте, то сбегали.

— Юная госпожа, быстрее, поклонитесь! — шепнула Чунь Цин.

Немного помедлив, Ян Юмэй подчинилась. В голове пронеслись воспоминания, отчего к горлу подступала тошнота. Тело наполнилось жаром лихорадки, и Ян Юмэй мелко дрожала, съезжившись на земле.

Сидевшая в кресле женщина оказалась женой главы Ся — Гао Хэ. Даже прикованная к креслу, она внушала страх: все внутри Ян Юмэй сжалось от ужаса. Владелица этого тела боялась старшую госпожу Гао так, что готова лишиться сознания рядом с ней.

— Утром до меня дошли слухи из Хэчжоу: безумная дочь семьи Ся бродит по ночным улицам в одном исподнем, — произнесла Гао Хэ. Ее голос был громким и сухим, он треском раздавался в ушах. — Разве ее служанка не должна следить за своей госпожой?

— Эта глупая Цин виновна, прошу, накажите меня вместо юной госпожи! — прикинув лбом к земле, взмолилась служанка.

Не обратив на нее внимания, Гао Хэ пристально взглянула на Ян Юмэй:

— Что ты скажешь в свое оправдание, Юань?

Голос после холодной воды и тяжелого сна охрип и едва звучал:

— Эта глупая Юань виновата, что опозорила великий Дом Ся и поставила старшую госпожу в неловкое положение. Я была не в себе после того, как упала в ледяную воду.

Служанки удивленно зашептались за спиной старухи, та же нахмурилась. От глупой Ся Юань удивительно слышать столь складную речь.

— Вижу, ты понимаешь, в чем провинилась. Знаешь ли ты, какое наказание последует?

— Я могу лишь надеяться на милость старшей госпожи.

Краем глаза Ян Юмэй увидела, как одобрительно кивнула Чунь Цин, губами прося продолжить.

— Эта глупая Юань исполнит любое пожелание старшей госпожи.

— Хорошо, раз ты так настаиваешь, то приведешь в порядок семейную библиотеку. За столько лет там накопилось много

пыли — пока всю ее не уберешь, можешь не рассчитывать на сытную еду.

— Юань благодарит старшую госпожу за оказанную милость, — прижавшись горячим лбом к холодному снегу, пробормотала Хуаньянь.

— Что же насчет твоей служанки... десять ударов палкой по рукам.

Чунь Цин испуганно сжалась, покорно выставив вперед руки. Одна из служанок старой госпожи подошла к ней с плоской палкой, замахнулась и со шлепком ударила ее по ладоням. Ян Юмэй заметила, как вздрогнула Чунь Цин, до боли прикусив нижнюю губу и зажмутив глаза. На ее ресницах ярко сверкнули слезы.

Когда десять ударов были совершены, служанка поклонилась госпоже и встала за ее спиной. Ладони Чунь Цин по цвету напоминали кожуру спелой сливы, а пальцы распухли. Еще бы немного, и кожа лопнула, окрасив снег красным.

Старшая служанка взялась за ручки кресла госпожи Гао, везя его перед собой. Вскоре внутренний дворик опустел, лишь на снегу остались многочисленные следы.

— Юная госпожа, вы так хорошо справились! — с облегчением выдохнула Чунь Цин, махая руками, чтобы хоть как-то остудить их. — Вам повезло, что старшая госпожа не заставила стирать вещи в холодной реке, как в прошлый раз. Давайте поскорее войдем в дом, вам еще рано так долго быть на морозе.

Служанка помогла ей подняться, и Ян Юмэй, шатаясь, вошла в комнату, без сил опустившись на кровать и подперев висок рукой. Голова кипела, словно была наполнена тягучим клеем из свиной кожи.

— Юная госпожа, вы как? — обеспокоенно пробормотала Чунь Цин, заметив ее пустые глаза. Коснувшись горячего лба Хуаньянь, она тихо вскрикнула: — Какая же вы горячая! Ложитесь, ложитесь, я заварю вам лекарственный чай — с прошлых запасов немного осталось. Постарайтесь поспать еще немного.

— Нет, мне... нельзя спать... — закачала головой Ян Юмэй. — Вдобавок твои руки...

— Ох, не волнуйтесь! Мне не впервой получать наказания!

Хуанъянь не хотела вновь провалиться в тот страшный сон, в котором бесконечно тонула. Все что угодно, лишь бы не быть вновь на грани смерти.

— Не переживайте, чай успокоит ваши мысли. Вам стоит сейчас хорошо выспаться.

Заваренный травяной отвар распространял по воздуху горький запах. Чунь Цин дала Ян Юмэй чашку со сколами, из которой та без всякого желания все выпила. Чай, каким бы ужасным на вкус он ни был, принес облегчение. С неохотой улегшись, Ян Юмэй лишь на секунду закрыла глаза, мгновенно провалившись в глубокий сон без сновидений. Она плавала в приятной темноте, шелком обернувшейся вокруг кожи. Постепенно тьму разгоняли воспоминания — незнакомые лица, незнакомые голоса и места.

Среди всего этого несколько раз мелькнул образ мужчины: стоило ему появиться, как тревога уходила и становилось спокойнее. Спустя время, когда воспоминания улеглись, Ян Юмэй поняла, что этот мужчина — Ся Ган, отец девушки, в чье тело она попала.

Раскрыв тяжелые веки, Хуанъянь жадно вдохнула, прогоняя пелену с глаз. Тело уже не казалось таким тяжелым и неповоротливым, и дышать стало легче. Сколько она пролежала?

Поднявшись, Ян Юмэй огляделась. Сквозь тонкую бумагу окон пробивался тусклый желтый свет — еще раннее утро, и дерево Цышань только меняло свой цвет, постепенно окрашиваясь золотом. Зимой оно почти не грело, а угли в печи уже остыли, из-за чего в комнате стояла прохлада.

Скинув одеяла и потянувшись, Ян Юмэй прошлась по комнате, открывая ящики и шкапулки.

Ся Юань — так звали эту девушку. Она была с рождения весьма глупой и к восемнадцати годам с трудом могла держать в руках палочки. Матери у нее не оказалось, а отец... отец, второй по старшинству сын госпожи Гао, был некогда гордостью дома Ся, а сейчас скитается неизвестно где по Среднему Миру.

Стоило подумать о Ся Гане, как сердце начинало болеть, отчего Ян Юмэй каждый раз хлопала ладонью по груди.